

Лев Гурский: Я ничего не хотел угадывать, отстаньте!

Писателя Льва Гурского — выходца из России, ныне живущего в Вашингтоне, — нет нужды особо представлять читателям "ВК". Наша газета первой в стране опубликовала на своих страницах большое интервью с ним. Произошло это в 1994 году, за несколько месяцев до выхода в свет политического детектива Гурского "Убить президента", ставшего настоящей сенсацией. Парижская "Фигаро" назвала автора "мастером романов-катастроф" и даже "флагманом жанра кремлевского триллера". Произведения пришлось по вкусу не только массовому читателю (этот факт особого удивления не вызывает), но и читателю элитарному.

Критик Роман Арбитман дозвонился до вашингтонской квартиры писателя и попросил его ответить на несколько вопросов.

— **Лев Аркадьевич, признайтесь, вам не надоело писать "кремлевские триллеры"?**

— А почему мне должно надоело?

— **Потому что жанр этот по идее воспроизводит одну и ту же схему: сыщик, начиная банальное расследование, все больше заносится в габельные выси и в конце концов понимает, что в дело замешан какой-нибудь высокий-высокий чиновник... Но об этом мы и в газетах читаем каждый день. Скучно ведь!**

— Я думаю, вы утрируете, Рома. Если бы все было так, как вы излагаете, детективный жанр вообще бы вымер — тем более в странах с развитой демократией, где хорошая газетная сенсация вполне может обходиться без вранья. Политический триллер никогда не может подменить собой газету и не должен этого делать. У писателя задача принципиально другая: опираясь на реальность, сконструировать невероятную ситуацию, поместить туда героя и заставить выпутываться его оттуда с наименьшими потерями. "Коридоры власти" — просто наиболее удобный фон для развития сюжета; все знают, что "наверху" всегда происходило и происходит нечто таинственное и опасное, а потому многие готовы верить любой невероятной выдумке, вроде атомной бомбы, спрятанной в Мавзолее.

— **Кстати, о бомбе. Я знаю, что, когда вышел ваш роман "Опасность", многие читатели всерьез стали интересоваться, правда ли, что курчатовское "изделие номер один" оказалось погребено на Красной площади.**

— Честно говоря, это тот случай, когда писатель постепенно и сам начинает верить в свою "версию". Поначалу я был твердо уверен: ядерное устройство в Мавзолее — всего лишь плод моего авторского воображения, гротеск, сознательное сгущение реальности. Однако уже после выхода книги в свет мне стали попадаться в мемуарной литературе такие намеки, что я просто руками развел.

— **Что вы имеете в виду?**

— Я бы не хотел подробно останавливаться на этой теме, чтобы лишний раз не запугивать москвичей. Полагаю, личная бомба Сталина, если она и существует в природе, едва

ли хранится в самом центре российской столицы.

— **Вы говорите "если". Стало быть, вы полагаете...**

— Перечитайте хотя бы воспоминания Светланы Аллилуевой или первое издание "Загадки смерти Сталина" Авторханова. Вы никогда не обращали внимания, что сразу после кончины генералиссимуса в марте 1953 года на "ближнюю дачу" прибыла бригада саперов, а вместе с ними — несколько человек со счетчиками Гейгера? Что они искали в подвалах и в саду? Почему, например, до сих пор не опубликованы точные данные о количестве ядерных устройств, собранных в СССР в самом начале 50-х?

Короче говоря, если раньше я считал свой роман "Опасность" детективно-фантастическим, то теперь, думаю, слово "фантастический" можно отбросить. Чем больше вникаешь, тем быстрее возрастает доля истины в каждой шутке.

— **Погодите, но ведь и с вашим детективом "Перемест" о криминале в российском книжном бизнесе, произошла похожая история...**

— В каком-то смысле да. Когда я писал "Перемест", я был уверен, что придумал хороший ход: "открыл" область, куда нога крупного мафиози еще не ступала, и населил этот воображаемый мир сочиненными персонажами. Однако к моменту выхода нового издания "Переместы..." вдруг выяснилось, что я не так уж погрешил против истины. Мне стали присылать вырезки из российских газет, и я увидел, что и в книжном деле криминал и впрямь стал бить ключом. Те же заказные убийства, тот же рэкет, те же "разборки" на "стрелках". Про банальные крахи просто не говорю! Обворованный "пиратами" писатель Паоло Токарев из моего последнего романа — не столько карикатура на Эдика Тополя (как кое-кто подумал), сколько персонаж собирающийся, догнала литературу. А быть может, и переиграла.

— **Получается, Лев Аркадьевич, что вы противоречите сейчас сами себе. Сперва говорите о гротеске, о выдумке, о сгущении реальности, а потом вдруг ваш "чистый вымысел" оказывается едва ли не правдой.**

— Вы опять утрируете, Рома. Не скрою, любопытно, когда случайно попадаешь в десятку, но это отнюдь не самоцель для создателя настоящего детектива. Скажем, в моем романе "Убить президента" было заложено довольно мрачное предсказание о возможном исходе президентских выборов-96 и неизбежных последствиях такого варианта. Однако, как видите, самые худшие прогнозы все-таки не сбылись. Разве плохо?

— **Хорошо, конечно, но... Сейчас, в середине 1997-го, эту вашу книгу вновь можно рассматривать как роман-предупреждение. "Этот Господин" президентом у нас не стал, но вот очень похожий на вашего героя усатый белорусский "батько", по-моему, ничуть не лучше, и у него-то шансы есть, притом не маленькие. Кстати, этот "батько" уже успел посадить в следственный изолятор автора поэмы под названием "Убить президента". Как вам такое?**

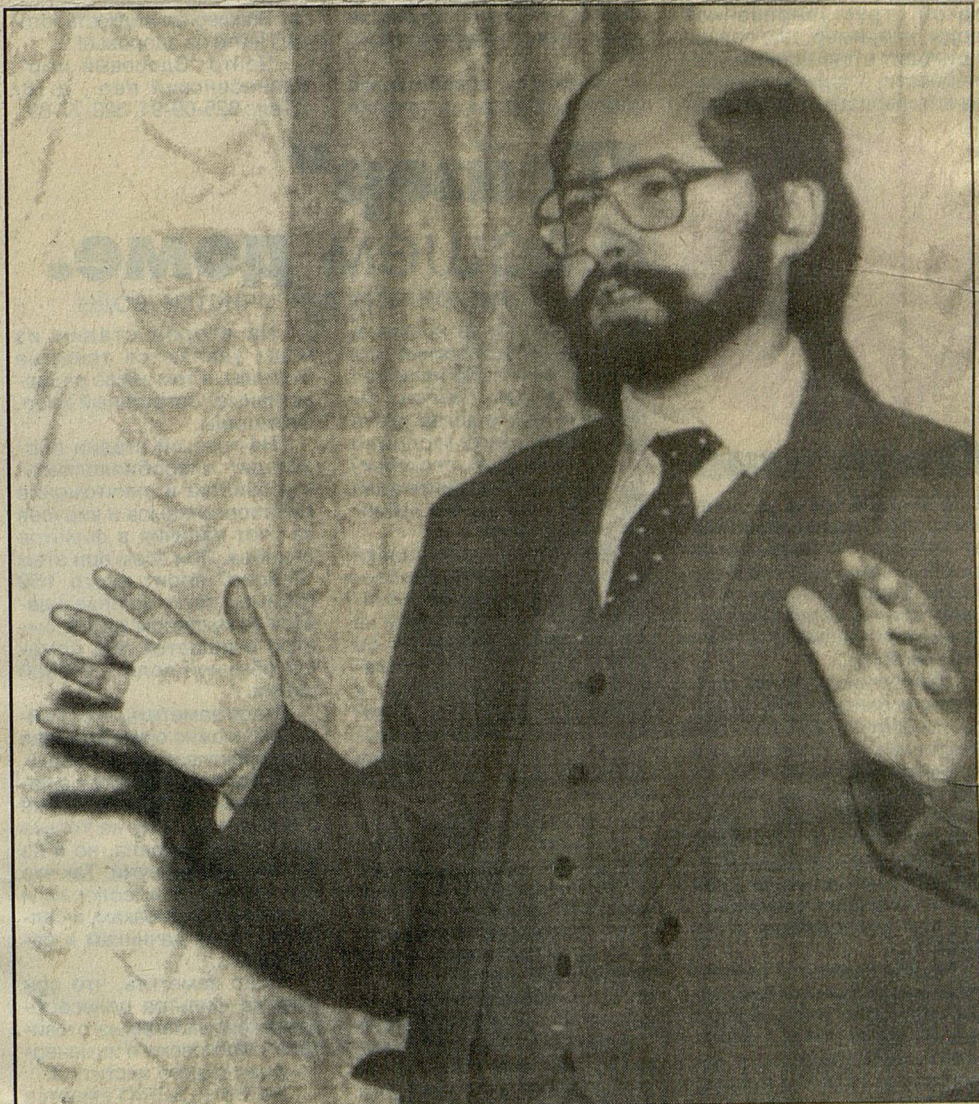
— М-да, этого я не знал. Мрачноватое совпадение, вы правы. Когда роман-предупреждение остается актуальным больше отведенного ему автором срока, то это лестно для автора и грустно для всех остальных... Впрочем, повторяю: беллетрист не должен специально заниматься пророчествами и прогнозами — не надо, не его это дело. Наше дело — сюжет покруче, приключений побольше и чтобы главный герой всех врагов одолел и в живых остался. То есть полный хэппи-энд.

— **Как в вашем романе "Поставьте на черное"?**

— Ну да, хотя бы.

— **Лев Аркадьевич, опять неувязочка выходит. В этой вашей книге — опять сбывшийся прогноз да еще как сбывшийся! Точь-в-точь! Вы закончили "Поставьте на черное" в марте прошлого года и тогда же напоролись невероятную по тем временам вещь: отставку главного президентского охранника генерала Коржакова. Прошло каких-то три месяца — и нате вам, сглазили. Тоже, скажете, случайное совпадение?**

— Минутку, Рома, минутку! Ловлю вас за руку. Вы передергиваете, голубчик. Нет в моем романе никакого генерала Коржакова, а есть некий собирающийся персонаж — генерал

полковник Анатолий Васильевич Сухарев. Его и отставили.

— **Коржаков... Сухарев... Какая разница? Все же настолько прозрачно, что и школьник сообразит, кто есть ху. Каждый персонаж ваших книг имеет очевидного "двойника" в реальной нашей жизни. Жириновский, Ельцин, Новодворская, тележурналист Караулов, писатель Лимонов, главный редактор "Независимой газеты" Третьяков... Разве не их вы выводили в своих книгах? По-моему, многие для того и читали ваши сочинения, чтобы вычислить прототипов.**

— Бога ради, не произносите лишний раз этого ужасного слова! Я уже устал объяснять, что любой беллетрист имеет право никого не "срисовывать" с натуры, а обобщать, экстраполировать. Мой Болеслав — не Чубайс, Дроздов — не Лебедь, кланюсь вам. То же и с Жириновским вашим, и с Карауловым, и с другими. Я был крайне огорчен, когда обнаружил, что главный редактор "Независимой" принял моего Витюшу Морозова на свой счет и ужасно на меня обиделся. Напрасно. Мне, к примеру, очень интересен персонаж по фамилии Изюмов — писатель,

автор скандального романа "Гей-славяне", однако к реальному Лимонову он почти никакого отношения не имеет. Но Лимонов почему-то, выступая по "Свободе", стал мне угрожать... А вдруг теперь и упомянутый вами генерал Коржаков тоже возьмет да и "узнает" себя в моем Сухареве? Это ведь только в книжке у меня генерал-полковник попадает в сумасшедший дом, а здесь у вас экс-охранник стал депутатом Госдумы... Страшно подумывать. Специально через вашу уважаемую газету хочу заявить: не обижайтесь, я никого специально не имел в виду! Я ни-че-го не хотел угадывать! Все совпадения — случайны!

— **Лев Аркадьевич, успокойтесь. Вы — в Соединенных Штатах, а ваши персонажи — в России. Встретятся они с вами смогут, только когда вы приедете в Москву... Кстати, вы случайно не собираетесь в столицу?**

— Нет-нет, Рома. У меня очень много работы здесь, в Вашингтоне. Чисто теоретически я хотел бы, конечно, приехать, пообщаться с читателями и издателями, заглянуть в Букеровский комитет, сходить на ВДНХ в конце концов. Газеты и спутниковое ТВ никогда ведь не заменят личных впечатлений, ко-

торые так необходимы романисту. К сожалению, супруга моя Энни категорически против поездки. Она из семьи потомков русских эмигрантов "первой волны", и для нее слово "Россия" до сих пор неотделимо от понятий "экспроприация", "ЧК", "ГУЛАГ". Энни боится, что меня сразу же сошлют в Сибирь.

— **За что?**

— За то, что в моих книгах слишком много случайных совпадений. Люди суеверны, сами знаете.

Постскриптум. Один из постоянных авторов "ВК", известный литератор, заметив на столе редактора этот материал с фотографией Гурского, воскликнул: "Ба, а я-то был уверен, что Роман Арбитман, известный мистификатор, и есть сам Гурский!..." Мы было тоже засомневались. Но Роман Эмилевич, зашедший вычитать гранки проездом из Санкт-Петербурга в родной Саратов, возмутился по поводу сих сомнений и продемонстрировал доверенность, подписанную Львом Гурским, и выданную на случай присуждения Букеровской премии: если бы ее присудили Гурскому, вручать ее организатором пришлось бы все-таки Роману Арбитману. Так что не взыщите. Тут сам черт ногу сломит.